



Н. В. Червякова

«БАЖОНОЕ ОЗЕРУШКО» К СЕВЕРУ ОТ ПУДОЖА (ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОДЛОЗЕРЬЯ)

«Бажоное озерушко», именно так жители Водлозерья еще в недавнем прошлом именовали свое озеро. С точки зрения внешнего мира это был «медвежий угол», как говорили пудожане, «загнано место». Вот что писал о своей поездке на Водлозеро в 1871 г. член Императорского Российского географического общества И. С. Поляков: «За Пудожем, по направлению к северу и в подсеверные страны, начинается истинная сибирская тайга. Тележные дороги здесь кончаются, в разные стороны расходятся только тропинки, по которым люди смелые и состоятельные ездят иногда верхом, рабочие идут пешком; есть и такие особы, которые из опасения слишком утомиться ... никогда на них не заходят»¹. Однако не только географические препятствия – непроходимые леса и бездорожье – отделяли Водлозерье от остального Пудожья. «Озера – глупы водлозера», – обидно говорили про водлозеров пудожане. В этнографии есть свои представления о том, почему какую-то группу русских называли «глупой». Слово «глупый» в пудожском наречии хоть и имеет выраженный отрицательный оттенок, употребляется также в значениях «не такой», «отличный от какой-либо нормы». Для пудожан водлозеры иные, не свои, не пудожские². А если посмотреть на ситуацию изнутри, из глубин Водлозерья?

¹ Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 66–67.

² С 20-х гг. XX столетия водлозерам присвоено еще одно прозвище, употребляемое в Пудожье до сих пор, — «белогвардейцы». Здесь также очевиден негативный оттенок. В решающий момент Гражданской войны Водлозерье в силу своей связи с Поморьем было единственной угрозой «красному» Пудожу.



В первую очередь очевидно, что и по сей день водлозеры ощущают свое внутреннее единство. Оно основано как на происхождении от одного «корня» – от новгородцев, так и на проживании этой группы русских в течение долгого времени в условиях естественной изоляции. Население Водлозерья столетиями жило и кормилось озером, именно поэтому они – водлозеры, «озерные люди»³. «Островная культура», – так высказался о Водлозерье в 1928 г. фольклорист Б. М. Соколов⁴. Для водлозеров их «водлозерское бажонное озерушко» было вовсе не «загнанным местом». Несмотря на тяжелый труд и скудость земли, как пишет Б. М. Соколов, «почти нет водлозеров, которые бы переменили свое местожительство на другое. Словно кто околдовал. «Не оторвешь нас от Водлозера», – говорили нам не раз»⁵. Вплоть до середины XX в. озеро было для водлозеров не только центром притяжения, но и своего рода центром земли. Именно сюда, на Ильинский погост, по представлению местных жителей, ежегодно в понедельник на Ильинской неделе приезжает сам пророк Божий Илья. Столетиями каждый год водлозеры ждали и встречали Илью. Его пребывание вплоть до престольного праздника накладывало свой отпечаток на поведение людей – в округе нельзя было ссориться, ругаться, то есть делать все то, что «Илью обидит». Это представление дошло и до наших дней. Когда в 1995 г., после десятилетий забвения был возрожден Ильин день, пожилые жительницы Куганаволока благодарили дирекцию национального парка словами: «Спасибо, что Илью на Водлозеро вернули»⁶.

Однако не только Илья-пророк, сам Христос, по представлениям водлозеров, «ходил по Водлозеру». Нами записаны легенда и

³ *Логинов К.К.* Повседневный быт и магия русских Водлозерья. Рукопись. 1999 // Архив национального парка «Водлозерский» (далее – АНПВ). Д. 2/74. Л. 31.

⁴ *Соколов Б.* Поэзия Водлозера. Из записок исследователя // Памятники русского фольклора Водлозерья. Предания и былички / Под ред. В.П. Кузнецовой. Петрозаводск, 1997. С. 141–145.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Полевой дневник Н.В. Червяковой 1995–1996 гг. // АНПВ. Д. 2/18. Л. 21.




устный рассказ о том, как Христос не образно, а телесно пребывал в Водлозерье. И хотя у каждого из этих произведений народного творчества обширное семантическое поле, смысловое ядро их неизменно – Спаситель ходил по Святой земле, и образом этой земли для водлозеров выступает их родина.

Образ сакрального пространства «своего» мира проявлен и в водлозерской кадрилиной песне «Я бежала по поженке». В ней перечисляются все деревни, входившие в Водлозерье и, таким образом, очерчивается круг «своего» жизненного пространства. Сюжет этой песни не совсем обычен. На первый взгляд здесь представлена стандартная игровая ситуация – перечисляются прозвища, особенности характера или занятий жителей водлозерских деревень. Однако сюжетная линия начинается с сакрального образа вещи птицы – голубя на часовне. Собственно повествование ведется не от лица героини песни, оно как бы прорекается птицей.

*Я бежала по поженке
да прибежала ко часовенке.
На часовенке два голубя сидит,
Один голубь часы говорит,
Другой голубь приговаривает:
Коскосалма – черныши, черныши,
Варишпельда – кошели, кошели,
Канзанаволочана – безбожники,
Руганова – катанежники,
Колгострова – рыкуны, рыкуны,
Калакундена – калаканчики,
Пелгострова – веревочники,
Пильмасозерушки – картежники,
Гольянишки не умеют торговать,
только знают нашу репу воровать,
Загоряна – немьтишки,
Охтомострова – бесенятушки,
Маткалахтяна – монахи, однозубые рубахи,
Чуальчана – лапотаюшки,
Великострова – непятаюшки,*




*Кевасалма – зубоглоды,
Путилова – голзуны, голзуны... »⁷.*

Водлозерская земля осмысливается в категориях «свой» – «чужой» путем прозвищных наименований. В едином пространстве Водлозерья, как внутри рода или большой семьи, возможны любые прозвища – от ласкательных до грубоватых, от нейтральных до эмоционально окрашенных.

Вообще противопоставление «своего» и «чужого» особенно актуально для общественного сознания водлозеров. К приезжим относятся с неизменным недоверием, которое мотивируется поговоркой «к нашему берегу хорошего бревна не прибьет»⁸. Пришелец, сколь бы долго он не жил в Водлозерье, навсегда останется пришельцем, чужаком. Чужого на общей трапезе всегда сажают в периферийную часть стола, удаленную от хозяина. В присутствии чужого никогда не заговорят на своем водлозерском языке; для общения с посторонними используется только литературный русский язык с нормативной лексикой. Эту черту водлозерского характера образно передает поныне существующая частушка:

*Елки колки, елки колки,
Наши елки колкие.
Мы ведь здесьни, не приезжи,
Водлозера горькие.*

⁷ Полевой дневник Н.В. Червяковой... Л. 56. В различных частях Водлозера существовали вариации приведенного текста. Полного варианта этой кадрильной песни, похоже, записать никому не удалось, его можно восстановить только путем объединения записей разных лет. Публикуемый вариант записан от выходцев с Варишшельды, он подробнее характеризует северное Водлозерье и точно указывает северную границу Водлозерья – д. Калакунда. У выходцев из Калакунды мы записывали вариант с именованьем ближайшей к ней д. Луза – «Лузяна-то – киланчики». Однако с точки зрения жителей Водлозера в Лузе жили уже не водлозеры.

⁸ Там же. Л. 44.



Исследования последних лет, проведенные обширным кругом специалистов – этнографов, фольклористов, историков, языковедов, позволили выявить типические и специфические черты водлозерской культуры. По утверждению К. К. Логинова, «в целом культура водлозеров типична для северных русских»⁹. Действительно, этнические компоненты, на основе которых происходило формирование группы водлозеров, обычны для всего Русского Севера: «Досаамский этнический элемент здесь был ассимилирован протосаамами и саамами, а прибалтийско-финский (саамы, вепсы и карелы) – представителями новгородской и московской русской колонизации»¹⁰.

Черты предшествующих культур нашли отражение в материальной и духовной культуре, в языке водлозеров. Вопрос этот достаточно хорошо изучен. Основные результаты исследований материальной культуры, быта и обрядов водлозеров представлены в двух подготовленных к печати монографиях К.К. Логинова¹¹. Мы остановимся на оригинальных элементах локальной культуры водлозеров. В материальной культуре выделяется местный тип лодки-водлозерки, особый тип выездной дуги – массивной, украшенной мелкогранной резьбой, водлозерский тип прялки. У водлозеров сохранились только для них характерные способы лова рыбы и дичи, например, «воронком» – двухсилковой снастью для добычи боровой дичи¹². Перечень может быть дополнен, например, материалами по одежде водлозеров¹³.

⁹ Логинов К.К. Основные компоненты традиционно-бытовой культуры русских Водлозерья // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 267–271.

¹⁰ Там же. С. 267.

¹¹ Логинов К.К. Повседневный быт и магия русских Водлозерья... Д. 2/74. 207 л.; *Он же*. Общественный и семейный быт русских Водлозерья. Рукопись. 2002 // АНШВ. Д. 2/87. 190 л.

¹² *Он же*. Основные компоненты традиционно-бытовой культуры... С. 268.

¹³ В частности, в частушке, имеющей этнолокальную окраску, характеризующую специфику мужской одежды водлозеров 1920-х гг., об этом поется так:

Водлозерушки идут, тужурки на кудели.

Посмотрите-ка на них – стоя околели.

Частушка бытовала в южном Приводлозерье и верхнем Поилексье, первая ее запись сделана К.К. Логиновым в 2001 г.





В Водлозерье отмечен обычай делать надгробный холм из диких камней. Такие могилы сохранились на Курьострове (Курьском острове), в Пигалахте и на берегу Илексы, неподалеку от калакундинского кладбища в Жилом ручье. О первых двух захоронениях известно, что они сделаны по просьбе людей «знающих», то есть занимавшихся магической практикой и не пожелавших быть похороненными на погосте. К.К. Логинов возводит материальное проявление этой традиции к саамской культуре, а именно к саамским погребениям XII–XIV вв.¹⁴ Думается, что в этом случае можно говорить о заимствовании не только внешнего, материального образа – каменной насыпи, но и мистического значения похоронного обряда. По крайней мере заваливать могилу камнями у водлозеров является отступлением от нормы, почти кощунством. Принято желать покойному, чтобы земля была ему пухом.

Исследования последних лет позволили выделить характерные черты духовной культуры водлозеров главным образом в отношении народной веры. В религиозных воззрениях жителей Водлозерья много типических черт, характерных для русских Севера в целом. Здесь, как и во всей остальной России, особо чтились Матерь Божия и Никола-угодник. Из богородичных праздников выделяются значимые для всего Водлозерья Успение и день Тихвинской иконы Божией Матери. Хотя Тихвинская часовня была здесь одна – в северной части озера в д. Варишпельда, но почитаемые образы находились во многих часовнях и домах водлозеров¹⁵. Особо чтимый старинный образ Тихвинской Божией Матери письма Игнатия Пантелеева был в местном ряду иконостаса Ильинской церкви¹⁶. В почитании Николая Чудотворца – заступника и молитвенника о

¹⁴ Логинов К.К. Основные компоненты традиционно-бытовой культуры... С. 270.

¹⁵ По устному сообщению К.К. Логинова, в случаях, когда не могли обнаружить тело утопленника, водлозеры обращались за помощью именно к Тихвинской иконе Богородицы. В сознании русского населения Севера со времен осады Тихвина шведским войском эта икона занимала особое место как заступница северных пределов России.

¹⁶ Икона сохранилась и в настоящее время находится в собрании музея «Кижь». Согласно каталогу «Древняя живопись Карелии», икона ошибочно атрибутирована как Иерусалимская. И тем не менее она представляет собой выраженный иконографический тип Тихвинской Божией Матери.



всех сырых и убогих, путешествующих по водам и страждущих в бурях – тоже есть местные черты, связанные с географическими особенностями Водлозера. Из пяти известных часовен св. Николая, две – зимнего и летнего Николы – находились в соседних деревнях Пелгостров и Рагуново, разделенных узким проливом. Столь близкое соседство николевских часовен объясняется местоположением островов Пелгостров и Рагуново. Именно у северной их оконечности находится самое опасное место на Водлозере, именуемое «кресты». При северном ветре здесь на открытом пространстве встречаются две волны, начинающиеся одна от устья Илексы, другая в Варишпельдской лахте. Взаимное перекрещивание волн делает проход на этом участке практически невозможным, вернее возможным, но с помощью Божией. Поэтому-то именно здесь Николе молились особо – как справа и слева захлестывали лодку волны, так и справа и слева стоял угодник Божий Никола и проводил лодку среди бури.

Традиция почитания заветных островов и деревьев также имеет выраженные черты местной специфики. Собственно, определение «заветный» относится в Водлозерье к особо выделяемым часовням, деревьям, островам. Слово «заветный» используется в своем прямом значении завета как договора между человеком и силой Божией или же иными силами невидимого мира. Соответственно заветные часовни можно определить как особо чтимые, намоленные. Сюда больше, чем в другие часовни, приносят пожертвования-заветы – «пеленки», то есть отрезы материи, одежду, свечи, иконы, деньги. Заветные острова – это чаще всего запретные территории. Без особой нужды, тем более с обыденными делами, на заветный остров заходить запрещено. Как считается, нарушение запретов приводит к негативным последствиям для нарушителя. Существуют особые правила поведения в таких местах: на заветный остров входят только «перекрестив глаза» и не берут с острова никаких предметов. Заветные острова – это пространство, на которых происходит договор с силами потустороннего мира. В доколхозные времена, по всей вероятности, различались собственно заветные острова, куда привозились «пеленки»-заветы, и острова,



запрещенные для посещений без нужды. По крайней мере, по нашим материалам, не все острова Водлозера, наделенные в сознании водлозеров сакральной семантикой, именовались заветными. Наличие значительного числа заветных островов на Водлозере является отличительной чертой именно здешней культуры.

Со времени возведения новой столицы на берегах Невы водлозерская культура замыкается в себе. Бездорожье и глушь становятся надежными защитниками от внешних влияний. До середины XX в. здесь достаточно устойчиво сохраняется традиционный уклад жизни, местный говор, обряды и верования, песенная и сказительская традиции¹⁷. Можно видеть на примере Водлозерья, что изоляция культуры не означает ее ущербности, но является фактором ее своеобразия.

Русский Север был воспет и опоэтизирован писателями и художниками серебряного века. Мифологема Русского Севера родилась именно в это время, однако уже в XX в. весь строй русской жизни оказался нарушенным. Постепенно и Русский Север как феномен прекратил свое существование. Осколки его сохранились лишь в такой глуши, как Водлозерье. Некогда бывшее «медвежьим углом», Водлозерье становится местом паломничества. С разных уголков России, из зарубежья приезжают люди соприкоснуться с культурой Святой Руси, сохранившейся в лоне нетронутой. И, даст Бог, сохранена будет эта святая земля на благо нашего народа на все времена.

¹⁷ По устному сообщению Ю.И. Смирнова, последняя полная былина была записана на Водлозере экспедицией Института мировой литературы в начале 60-х гг. XX в.

